

ПЕРЕЖИТОЕ И ИСПЫТАННОЕ

Дневник ШАТЕХИ ПЕТРА НЕСТЕРОВИЧА - (1915–1984), уроженец с. Николаевка, Лозовского р-на, Харьковской обл, техник-интендант 2 р., зав. делопроизводством (писарь) штаба 218 сп 80 сд 6-й армии ЮЗФ

Люди боролись с врагом везде, на фронте и в плену. Командир полка, полковник Омельчук, уезжая в тыл по болезни, приказал мне достать бензин для 4-х танков полка. Направился с 2-мя машинами на станцию снабжения Петровку, но она уже была у немцев. На обратном пути, в лесу встретил автоколонну, возглавляемую полковником, получил бензин. Бензин доставил на место расположения части, ведущей бой западнее с. Терновка, в 7-8 км.

Последний бой в Терновке, 3 августа 1941 г.

По приказу ПНШ возвратился в с. Терновка, с приказом помощнику ком. полка по мат. обеспечению Целлермайеру – группировать тыловиков для прорыва кольца. Собрали тыловиков и заняли оборону южнее с. Терновка. Пушки, минометы противника беспощадно били по селу. В 7 часов вечера 3 августа мы приняли тяжелый бой с мотомех-пехотой врага и большим количеством танков. Бой шел страшный, в течение нескольких часов боя наша сборная рота была разбита.

Отдельными группами по 3-5 чел, отходя, заседали в кустарниках на берегу реки и, отбиваясь от врага, расходовали боеприпасы, и здесь постигала каждого судьба. Нас 7 человек засели на восточном берегу реки Синюха в камнях, с 2-мя автоматами, 2-мя винтовками и пистолетами, патронов мало. Готовились еще раз встретить врага.

Утром нас обнаружили, открыли огонь по нас, мы сидели молча, вдруг пошла пехота, молчим, подошли ближе. От огня нашей семерки гады залегли. Мы потеряли двух товарищей и тяжело ранен политрук. «Патронов нет, - произнес раненый политрук. - Оружие побить, забросить в речку, прикройте павших товарищей, пока немцы лежат». Похоронили товарищей, сделали перевязку политруку. Закурили махорку, сидим молча, у каждого из нас глаза горят. Немцы, догадавшись, что нет, по-видимому, у нас боеприпасов, бросились наподобие психической атаки на нашу пятерку. «Не стрелять!» - немецкий генерал. Здесь нас постигла судьба плена, в 10:30 4.08.41. Должен признаться, что не хватило у меня мужества застрелить себя. В этот день 4 августа нас привезли в Новоархангельск, оттуда в Белую Церковь.

7.08.41. – побег из лагеря в Белой Церкви. 80 км на восток, в сторону

Гребенки, не заходя в села, т.к. некоторые подлецы задерживали красноармейцев, уходящих от немцев на восток. Но 16.08.41. в защитной полосе схватил заградотряд немцев, избили при допросе.

17.08.41. – привезли в Белую Церковь в лагерь, при обыске хотели отобрать часы, подарок отца в 1937 году, когда служил кадровую службу. Снимая, уронил их на каменный пол и ударил каблуком сапога, часы разлетелись.

Избили, поставили под холодную воду на 2 часа, посадили в камеру на 5 суток, на пол-литра холодной воды и 100 грамм хлеба в сутки.

28.08.41. – 6.09.41. – в пути в Холм (Польша), 50 - 60 чел в вагоне, 200 гр. хлеба в сутки и 100 гр. соли на весь путь – 9 дней. Ни разу не открывали вагоны, без воды и питания. Народ задыхался, умирал в вагонах, по 15 -20 чел. в каждом вагоне.

6.09.41. – 22.11.41. (2,5 месяца). Лагерь под открытым небом. Холм.

Осенние дожди, холод, голод – уносили сотни жизней ежедневно. Вшивость. Питание: 100 гр. хлеба (редко 150 - 200 гр.) утром, «горячий чай» - заправленный мылом и сырой водой. На обед – суп, и на ужин. В котел с кипящей водой вилами с подводы бросают картофель, с соломой, песком и землёй. Капусту лопатами посекут на земле и лопатами забрасывают в котел. Вместо круп – вбрасывают мыла и сырой воды.

Большие очереди, получали пищу в пилотки, каски или в подол рубашки. За порядком при раздаче наблюдают немцы и русские полицейские с резиновыми плетками или метровыми дубинами. Ежедневные расправы над евреями: вешали, казнили, бросали в костер взрослых и малых. Ежедневная вывозка мертвецов - до 400 – 500 чел, в т. ч. живых больных. Поп благословлял и просил потерпеть до скорой отправки «під рідни стріхи». И сырая земля принимала всех, кто отправлялся на вечный отдых під рідни стріхи.

В дождь – 5-6 часовые подсчеты в строю полуголых и босых людей под холодным дождём. На тех, кто шевелился или падал - пускали собак или прикалывали штыком или убивали прикладом.

*Эх, ты Русь, ведь ты Русь дорогая! Не вернётся нам больше к тебе...
Кто вернется, тот век не забудет, Все расскажет родимой семье.*

22.11.41. Построили 2000 человек, пригнали на станцию, где пропускали через «баню» и сажали в вагоны для отправки в разбивочный лагерь Влодава на Буге. Раздели всех догола возле вагонов, затем по 50 чел стали пропускать

через 3 вагона «бани» за 40 мин. В каждом – немец с резиновой дубиной, три дубины, на мытье 4 минуты, в холодной или горячей воде, после чего еще 25-30 мин. ожидания одежды на улице. Посчитайте, сколько простоит раздетой на морозе последняя очередь и что получится из такого гнусного, зверского издевательства. В лагере Влодава ежедневно умирало 200 – 250 человек. Люди ходили опухшие, как колодка. Давали по 200 – 300 гр. хлеба с опилками.

11.03.42. 300 чел отправили на работу в Варшаву. Рембертов, рабочая команда. За 4 месяца осталось 183 чел.

29.07.42. Побег из лагеря Рембертов, держал путь на августовские леса. 21.08.42. поймали. 23.08.42. Варшавская тюрьма, 8 суток. Затем 25 «резинков», бил австриец, фельдфебель. Много раз резина через спину ударялась об пол. Опять лагерь, откуда бежал. Здесь еще 10 суток карцера.

10.09.42. Антонины, 4 км от Варшавы, стройка нефтебазы. Евреи из всех стран, их живьем бросали под идущие поезда, живьем заталкивали в болото, убивали острыми кирками, рубили лопатами, не говоря о расстрелах.

23.11.42. Возвращают в Рембертов. Цех, где начинали снаряды, конвой – австрийцы. Постепенно начали делать свою перезарядку гильз, порох высыпали, вместо – опилки и песок. Капсули шли в уборные, лужи. Хочу признаться, что тот, кто пытался за кусок хлеба продать немцам эти проделки, тот погибал от своих. Вели подкоп в лагере для выхода всех людей, но продал переводчик Сергей. 20 чел арестовали, лагерь был закрыт. Переводчик вскоре пришел в лагерь в немецкой форме, с нашивкой РОА, вербовал в армию Власова, и уходили люди, ранее раскулаченные, западники и другие типы.

17.08.43. Под конвоем солдат и танков погнали на станцию и отправили вглубь Германии. 23.08.43. привезли нас в Шталаг 321, в г. Геммер, Вестфалия. Разбили по категориям: на шахты, заводы, фабрики, калек – к бауэрам. «Полицай Европы» - носил кубик в петлице, в руках – кавалерийский клинок. От его руки погибли тысячи пленных. 25.08.43. Шахтерский лагерь больных. Ямы.

29.08.43. Гор. Бохум, Вестфальская обл. Шахта «Энгельбург», РК 717 (707) 500 чел. Шахта «Каролинен Глюк». 18.10.43. Налет американской авиации, разбили шахту «Каролинен». В шахте «Энгельбург – добыча смолы отбойными молотками, смола жгла тело, глаза, не давали очков, перчаток. 29.10.43. Забастовка шахтеров, требовали защиту, питание.

С 1.01.44. Шахта «Каролинен Глюк». Изготовление игрушек, колец, брошек из нержавеющей стали. Связь с немецкими шахтерами и чернорабочими. Интересовался жизнью рабочего и крестьянина. Постепенно узнавал более опасных лиц. Рассказывал о жизни в России рабочего, крестьянина, интеллигенции. О построении государства и т.д.

21.04.44. Послал подручным слесарем к мастеру по турбинам и компрессорам. Сразу начал изучать машинистов и познакомился с машинистом Карлом, у которого был приемник, тот сообщал мне ежедневно события на

фронтах, что дало возможность передавать известия в лагере. В лагере пользовался авторитетом благодаря своей упорной работе по разъяснению, что представляет РОА, к чему она доведет, какие последствия могут получиться. В это время часто приезжали агитаторы с РОА с целью вербовки, но каждый с позором покидал наш лагерь. К этому мною было прочитано стихотворение о РОА. В турбинное масло подмешивал понемногу песка, подливал переработанное масло. В результате плавилась подшипники. После ремонта одной турбины оставил ключ в клапане регулятора, турбину опять на ремонт. Шахтеры били лампы в шахте, ломали пики, отбойные молотки, портили моторы. И только чтобы не давать продукции врагу, отрубывали себе пальцы, калечились, ожигались кислотой, лишь бы только увильнуть от работы, не считаясь со своим телом и, в крайних случаях, с жизнью.

22.09.44. Сильный налет союзной авиации, город и шахта были разбиты, лагерь сгорел. Стали жить при цехе, в помещении для велосипедов. Усилились грабежи прод. магазинов, занялись порчей моторов, рассоединением электрокабелей. Ломали ценные детали, портили трансформаторы. Усилилось притеснение немецких рабочих, отказы от работы, и главное – связь с военнопленными становилась все теснее. Они видели, что эти люди, в случае чего, помогут. Ищейки и провокаторы были известны. Конец фашизму уже было видать, американские войска приближались. Из других городов гнали измученных людей вглубь страны, не только военнопленных, но и гражданских всех наций. Кого не успевали выводить, СС расстреливало целыми лагерями или отравляли продуктами. Жестоко расправлялись с беглецами.

31.03.45. В 10.45 уходим вдвоем с бывшим полицаем и скрываемся при шахте, в большой цементной трубе, где стекали нефтяные и другие отходы с завода. Сидеть в трубе было тяжело, давили газы, жгло лицо, сжимала сырость бетонных стен, сквозняк пронизывал насквозь, есть было нечего.

4.04.45. Вышли из трубы чуть живые, с черными заросшими лицами, сгоревшими от газов. Мы не могли стоять, в голове кружилось, ноги подламывались, дрожь разбирала сильнее малярии, живот был притянут к спине. Отдышавшись с полчаса возле насыпи ЖД, двинулись к цем. заводу, где была бруква. На каждом метре – фольксштурм, поползли, как вдруг вооруженные немцы схватили, привели в цех, посадили в камеру, сказав, что вы ограбили шахту и завтра будете расстреляны. Утром инженер не разрешил нас расстреливать и отправили в лагерь Юмте Филип, затем в Тамбау, где не кормили.

9.04.45. Внезапный налет американских штурмовиков, и пикир. ударами разбило лагерь. Рядом со входом в бункер взорвалась бомба крупного калибра, воздухом и землей меня приглушило. 10 товарищей постигла смерть. 37 - тяжело ранило. 11.04.45 утром возле лагеря немцев не было. По улицам двигались американские солдаты и техника. Радостная и теплая встреча на улицах г. Бохум. Военный коммунизм. Оделись в новую одежду. Сильная расправа над СС и фашистами. 2-й фронт внутри.

10.12.45. Я теперь нахожусь в доме своей семьи, без проволоки, конвоя и издевательств. И только вспомню пережитые свои мучения, катятся слёзы. Становится жалко своего здоровья, своей жизни, которые смолоду оставил в фашистском плену. Но честь и любовь к Родине – врагу не продал. Лучше погибнуть голодной смертью, чем продаться врагу.

Я только хочу просить читателя моих заметок, обратить внимание на всякого рода издевательства фашизма, передать это всякому – малому и большому. Это не фантазия, это лично мои испытания и переживания в фашистских застенках.